

UDC 93

**KUBAN AND BLACK SEA REGION AUTHORITIES
AND SOCIETY IN 1920–1922: SOVIET GOVERNMENT
PERCEPTION BY LOCAL POPULATION**

Vladimir G. Ivantsov

Sochi State University
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
PhD (History), associate professor

The article considers relations of authorities and society within Kuban and Black Sea Province at the end of Civil War in Russia (1920–1922).

Keywords: Kuban, Black Sea Province, Civil War, local population, government.

Проблема морально-этических качеств военнослужащих всегда волновала как гражданские, так и военные власти любого государства. Разумеется, во время войны вопрос о морали вставал более остро, т.к. захлестнувшее войска мародерство разрушительно сказывалось на дисциплине, а соответственно, и на боевом духе личного состава. Нагруженные награбленным имуществом военнослужащие не могли не рассматриваться мирным населением как аморальный элемент. «Лишний груз» отрицательно сказывался на подвижности и маневренности армейских частей. Таким образом, с любыми отклонениями в области морали и этики в любых армиях боролись весьма жестко. Можно привести из истории Гражданской войны весьма наглядные примеры. Зеленоармейская Красная армия Черноморья просуществовала всего 19 суток, с 11 по 30 марта 1920 г. Однако за это время за кражу двух десятков яиц были расстреляны двое военнослужащих. Других случаев мародерства в указанное время отмечено не было [1]. Но, учитывая короткий срок существования Красной армии Черноморья, трудно на основании этого факта в условиях Гражданской войны делать какие-либо далеко идущие выводы.

Случаи мародерства в рядах Рабоче-крестьянской Красной Армии происходили по целому ряду причин. В годы Гражданской войны Рабоче-крестьянская Красная Армия нередко занималась самообеспечением, а грань между самообеспечением и грабежом была весьма прозрачна. Особенное постоянство таких экспроприаций имело место в начальный период Гражданской войны, что подтверждается конкретными примерами на территории Сочинского округа и Кубанской области. В 1920 г. после установления советской власти в условиях войны с зажиточными кубанскими станицами эти проявления стали и вовсе процветать. Дело касалось политических противников.

Лидеры большевиков основное внимание уделяли разгрому политической оппозиции, при этом они меньше обращали внимание на разнузданность своих войск. Цель оправдывала средства.

Один из руководителей Белого движения А.А. фон Лампе в своих мемуарах отмечал: «Красные обещали все, белые только то, что полагалось по закону...

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали ... законом.

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно, не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия... Белые не сумели или не смогли быть фашистами, которые с первого момента своего бытия стали бороться методами своего противника!» [2].

Нельзя упускать из виду субъективную позицию, выраженную в мемуарах белого генерала, причем высказанную по прошествии длительного времени после окончания Гражданской войны в России. К таким текстам следует относиться со значительной долей критического скепсиса. Тем не менее белогвардейцы на территории Кубани и Черноморья не провели ни одной массовой карательной акции, направленной против населения и санкционированной официальными военными властями.

Конечно же, вряд ли стоит сбрасывать со счетов традиции многовековой военной истории, отработанную дисциплину, отлаженную машину Военно-полевых судов, четкую субординацию и единоначалие, как признаки, свойственные белогвардейским войскам, во время Гражданской войны. К тому же, как отмечалось выше, белогвардейцам оказывали поддержку союзники по Первой мировой войне, и они меньше нуждались в необходимых средствах для удовлетворения первичных потребностей. Нельзя отрицать, что части РККА в гораздо меньшей степени располагали необходимыми экономическими ресурсами особенно на первом этапе Гражданской войны. Их части с поразительной регулярностью в 1918 — начале 1919 гг. покидали свои боевые позиции и, попутно мародерствуя, обращались в паническое бегство. В качестве примера приведем рассказ командира роты из Кочубеевской бригады РККА:

«Мне с моей ротой приказали стать по дворам восточной окраины села. Вечер. Темнеет. Иду улицей на проверку частей. В углу между каменной стеной и сараем сидят два красноармейца и щиплют гусака. Тихо подхожу сзади.

— Что вы делаете?!

Стрелой схватились оба, бросили гусака и, отбежав за угол, защелкали затворами винтовок.

— Стой! — кричу, — свой!

Но уже поздно, загрели выстрелы. Ровно вихрь, поднялась стрельба по всему селу. Начался шум. Поднялась паника.

Улицы запружены подводами, бойцами. Стоит шум, гам, стрельба. Стреляют куда, почему, не знают, так, “чтоб самому страшно не было”. Все спешно отступают. Части выскакивают из села — кому, где ближе.

— Что оно за черт такое? — спрашивает один, подходя к кучке остановившихся за селом.

— Прут золотопогонники, не знаешь что-ль, — апатично отвечает ближний, слюнявя сигарку.

— Ну, что там? — спрашивают подходящих.

— Кавалерия белых, должно, налетела, — отвечают те.

— Чего говорят? — переспрашивает подбежавший из другой кучки.

— Полк кавалерии влетел, должно, досталось нашей братве...» [3].

Безусловно, факт мародерства здесь акцентирован лишь одним захваченным у населения гусем, но в тексте ярко воспроизводится атмосфера хаотичности, беспорядочности, отсутствия необходимых элементов воинской дисциплины, строгой субординации, единоначалия. Как следствие — вспышки панических настроений, которым вполне могли соответствовать тенденции к грабежу и мародерству мирного населения.

Не следует думать, что в РККА не пытались бороться с этой ситуацией. Для предотвращения дезертирства в РККА были введены заградительные отряды [4], однако действенные меры против «экспроприаций» оказывались очень сложным делом для руководства РККА. Ничего существенно не изменилось и после войны, когда сельские Ревкомы и Волкомы были буквально завалены жалобами от населения о кражах, в которых обвинялись красноармейцы.

Приведем несколько наглядных примеров. Так, в конце апреля 1920 г. в ходе проверки Новороссийского округа сотрудниками Кубано-Черноморского областного комитета ВКП(б) выяснилось, что стоящая на Тонком Мысу, в 8 верстах от Геленджика, воинская часть 190-го стрелкового полка ведет себя вызывающе по отношению к милиции и местным жителям. По данным, полученным от милиционеров и местных жителей, отдельные красноармейцы разбивают окна и двери в пустых дачах и забирают все, что там есть. Были отмечены даже случаи, когда красноармейцы разбивали рояли для варки чая [5]. Такая же картина наблюдалась в Марьиной Роще, в 7 верстах от Геленджика, где стоял 2-й батальон 192-го стрелкового полка [6].

Согласно данным оперативной сводки реввоенсовета IX Кубанской армии РККА за 21 декабря 1920 г. части 97-й бригады 31-й стрелковой дивизии, дислоцированные в станице Кабардинской, занимались грабежами мирных жителей [7].

Из деревни Владимировка 9 февраля 1921 г. председатель местного исполкома докладывал в облисполком, что стоящими в деревне Борисовке красноармейцами 1-й конной батареи учиняются всякого рода бесчинства, заключающиеся главным образом в воровстве крестьянского скарба [8].

4-го марта 1921 г. тот же предисполком [9] доносил, что при переходе в ночь с 3-го на 4-е марта через деревню Владимировку красноармейцы 195-го полка вели себя по отношению к жителям деревни и местной власти крайне вызывающе, не исключая и командира 5-й роты того же полка Тимофея Сысоева [10]. Предисполком доносил также, что красноармейцами были похищены личные вещи у крестьян, и факты эти, допускаемые со стороны проходящих через деревню полков, происходят не в первый раз. Теми же красноармейцами в деревне были самовольно захвачены лошади [11].

В результате бесчинств красноармейских частей доведенное до отчаяния местное население собрало общий сход ряда селений, который вынес следующее постановление:

«Протокол № 13

Общего схода граждан деревень Глебовки, Васильевки, Борисовки, Южной Озерки, дачи Пиленково и других селений в числе 112 человек 3 июня 1920 года.

Повестка дня: 1) Вопрос о положении граждан в момент пребывания красноармейских частей. Постановили:

Собрались на сход в деревне Глебовке и, приступив к всестороннему обсуждению вопроса, поставленного на повестку дня, вынесли следующую резолюцию:

“Мы, граждане вышеуказанных деревень, освободились из-под гнета палачей и царских генералов, клянемся всемерно поддерживать нашу освободительницу Красную армию, идя рука об руку с установившейся советской властью, невзирая на крайне бедственное положение наше, создавшееся в связи с пребыванием красноармейских частей в течение 2 с лишним месяцев в деревне Глебовке в числе около 200 человек и такого же количества лошадей. Но, принимая во внимание незначительную поляную и сенокосную площадь, имеющуюся в распоряжении граждан дер. Глебовки, которая не дает возможности заготовить достаточное количество корма даже для своего скота и личного обихода на зимнее время, то тем более поставлены в затруднительное положение присутствием войсковых частей, как Васильевка, так и Борисовка. Помимо того, происшедшие неоднократные случаи краж со взломами замков окончательно подрывают как доверие со стороны народных масс, а равно и авторитет Красноармейца, против чего командным составом не принимаются даже меры к устранению подобных нежелательных явлений. Исходя из всяких соображений, единогласно постановлено просить Васильевского Волостного Военного Комиссара ходатайствовать перед Начальником

22 дивизии об отводе пребывающих войсковых частей с лошадьми, как-то: сотни пулеметной команды и обоза 198 стрелкового полка в имение Бабиевское, на расстояние 3-х верст от дер. Глебовки, где имеется обширная площадь для пастбища лошадей, а также свободное и вполне пригодное помещение для людей, каковое в настоящее время никем не занято» [12].

Документ характеризует случаи мародерства и самоуправства воинской части, расквартированной в данной местности.

В июле 1921 г. председатель Натухаевского исполкома доносил в окружной исполком г. Новороссийска о ежедневно поступающих заявлениях граждан станицы Натухаевской о том, что расположенная в станице по частным квартирам конная сотня 194-го полка РККА причиняет колоссальные бедствия гражданам. В частности, в донесении предисполкома жаловался на потраву хлебов и сенокосных угодий, кражу сена и кражу муки.

Кроме перечисленного, предисполкома отмечал, что у некоторых красноармейцев имеются на руках большие связки ключей от разных замков, и были случаи, когда граждане застигали в комнатах запертого дома красноармейцев [13]. Имели место и другие случаи мародерства.

Случаи мародерства были распространены достаточно широко. Это стало даже предметом обсуждения в большевистской прессе. Так, в «Баталпашинской правде» в статье «К событиям в горах», отмечалось: «Состоявшийся несколько дней тому назад поход в горные станицы красноармейской части и конной милиции посеял среди населения отдела различные толки, а в некоторых станицах даже и беспокойство.

Красноармейцы и милиция ходили в горы исключительно для того, чтобы положить предел тем нападениям, которые делаются изо дня в день бродячими офицерскими бандами на мирное население станиц. Но проведение этого плана полностью, без обыска на местах кадетских агентов, было совершенно невозможно, поэтому высшими властями и было разрешено произвести обыски, аресты, а где нужно, конфисковать имущество.

Но, как известно, эти обыски и конфискации кончились тем, что местами было взято и то, что почти не следовало брать, и производились обыски там, где их и не нужно производить.

Эти ненормальности дошли до сведения властей. Отдельский ревком и военные власти создали комиссию и послали на место происшествий для обследования и возврата всего взятого у населения имущества» [14].

Помимо мародерства, на Кубани и Черноморье осуществлялись самочинные расстрелы. Приведем один наглядный пример. После взятия Екатеринодара большевиками желание сотрудничать с ними изъявили некоторые члены Кубанской Рады, среди которых был и сотник А. Деркач. Уже 2 апреля по Кубанской области было распространено воззвание бывших членов Кубанской Рады, в котором они призывали поддержать советскую власть [15].

Однако 29 марта, т.е. еще до распространения возвания Деркач и 6 других казаков, служивших в Красной армии или поддерживавших ее, были арестованы в станице Плантировской. Арестованные двое суток находились под арестом в станичном карцере, после чего ударным конным отрядом Буденного были этапированы в Краснодар. В трех верстах от станицы Плантировской все 7 задержанных были зверски зарублены. Данный случай расправы с поддерживавшими советскую власть казаками вызвал массовое недовольство станичников Кубанской области, безусловно, сыграв на руку бело-зеленым.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, по крайней мере, некоторые армейские части Рабоче-крестьянской Красной армии на Кубани и Черноморье высокими морально-этическими качествами не отличалась. Это было

непосредственно связано не только с теми специфическими особенностями, в которых армия формировалась и воевала, но и с позицией лидеров РКП(б) по отношению к крестьянству.

21 мая военный отдел в г. Сочи приступил к формированию караульного пехотного батальона и кавалерийского эскадрона, эти части предназначались для несения гарнизонной службы на территории Сочинского округа [16].

Формирование гарнизонных частей происходило на общем фоне нестабильной обстановки. Так, например, Сочинская районная комиссия по дезертирам РККА 5 августа предоставила в Политпросветотдел окружного военкомата сведения о военно-политическом положении округа:

«1. Отношение населения к Советской власти вполне индифферентно, т.к. население развращено частой сменой властей и считает ту власть наилучшей, которая дает больше хлеба. Отношение к Компартии неопределенное, т.к. по своей темноте большинство населения различает понятия “большевики” и “коммунисты” и считает, что это две различные партии.

2. Население в большинстве не имеет никакого политического самосознания, т.к. пропаганда в округе велась самыми различными партиями, начиная от крайних правых и кончая крайне левыми. Кроме того, последнее время округ находился под влиянием белых, и население развращено этим влиянием.

3. Дезертиры скрываются среди населения в горах, и отношение к ним сочувственное, т.к. дезертиры, главным образом, местные поселенцы и скрываются в своих селениях.

4. Случаи антисоветской агитации наблюдаются, например, нами получена телеграмма из Красной Поляны следующего содержания: “Дезертиры греки Красной Поляны, около 30 человек, находятся на горе Ачишхо. Местные жители, преимущественно греки, угрожают открыто всех перебить. Прошу принять меры. Невозможно больше бороться. Военрук Сысоев”.

5. Отношение населения к зеленым благожелательное, т.к. зеленоармейские шайки состоят из дезертиров местных жителей, к которым отношение местного населения не может быть враждебно» [17].

В заключении комиссия отмечала, что эти сведения являются постоянными на все время, вплоть до особого оповещения [18]. Постановления подобных комиссий являются весьма ценным источником, поскольку достаточно достоверно отражают ситуацию, сложившуюся в том или ином регионе.

Помимо этого, в середине июня началась массовая миграция населения из Сочинского округа. Так, в телеграмме председателя Сочинского ревкома Л.Ф. Москвичева на имя Новороссийского предревкома Фукса отмечалось, что свыше 600 семейств греков бросили свои дома и, находясь на берегу и в ближайших деревнях, просят пропустить их через границу в Грузию или на Кубань. Москвичев объяснял это полным уничтожением их хозяйств, которые они обустроивали в течение 50 лет проживания в Сочинском округе. Здесь же указывалось, что каждое греческое семейство имеет не менее семи детей, и заболевания среди них принимают массовый характер. Однако не только греки стремились покинуть округ, в этой же телеграмме отмечалась просьба 73 грузинских семейств пропустить их на территорию Грузинской демократической республики [19]. Новороссийский предревкома обратился к своему непосредственному начальству в Кубано-Черноморский ревком, а последний в свою очередь отправил телеграмму Г.К. Орджоникидзе [20]. Однако в личном фонде Орджоникидзе, находящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), решения по данному вопросу найдено не было.

Немалое значение в исследовании Гражданской войны имеет и

демографический вопрос. Известно, что в целом по России потери населения составили примерно 10 %. В то же время на Кубани эти цифры были превышены, что в абсолютных цифрах составило 331 тыс. человек [21]. Численность населения на Черноморье в процентном соотношении сократилась еще более. Так, например, в Сочинском округе до 1917 г. проживало 70 тыс. человек, а после Гражданской войны — всего 44 тыс. Во многом снижение численности произошло вследствие миграционных процессов.

Отмечая эффективность используемых структурами советской власти методов подавления сопротивления со стороны остатков белогвардейцев и отдельных отрядов бело-зеленого движения, следует указать на их целенаправленность и последовательность в рамках государственной централизации, обеспечившей победу в гражданской войне. На данном этапе речь может идти лишь об угасании очагов сопротивления и упадке идейного и морального духа борцов, все более оказывающихся в маргинальном положении. Следствием стала тенденция вырождения бело-зеленых отрядов в преступные банды, лишаящиеся поддержки местного населения в условиях начала новой экономической политики. Пропагандистские методы воздействия на местное население не всегда оказались действенными, поскольку крестьяне были окончательно дезориентированы агитационными призывами различных политических партий и режимов, что предполагало усиление методов открытого нажима и террора.

Отношения новой власти с местным населением складывались сложно и противоречиво в силу разных обстоятельств. Причины конфликтов и недовольства заключались не только в фактах злоупотреблений отдельных представителей власти или воинских контингентов. Они объяснялись низким образовательным и морально-нравственным уровнем красноармейцев и уполномоченных местной власти, а также закоренелым недоверием к населению регионов, столь долго и упорно ведущих борьбу против советского строя, общей позицией большевистского правительства, отличающейся в 1920—1921 гг. скорее негативным отношением к крестьянству и казачеству.

Примечания:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 71. Л. 3; Черкасов А.А. Гражданская война в России: образование Комитета освобождения Черноморской губернии и его вооруженных сил (1919—1920 гг.) // Научный журнал Власть и общество (история, теория, практика). 2011. № 1. С. 50—62.
2. Деникин А.И., фон Лямпе А.А. Трагедия Белой армии. М., 1991. С. 30.
3. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне. Ростов н/Д, 1991. С. 90.
4. Черкасов А.А. О формировании и применении в Красной армии заградотрядов // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 174—175.
5. Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОАГН). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.
6. Там же. Л. 8об.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 192. Оп. 6. Д. 7. Л. 60.
8. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
9. Председатель исполкома.
10. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
11. Там же.
12. АОАГН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 81. Л. 62а—62аоб.
13. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 47. Л. 77.
14. Баталпашинская правда (Баталпашинск). 1920. 18 июня; Меньковский В.И.,

Черкасов А.А. Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского попытка реванша в 1921 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 33–36.

15. АОАГН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 146. Л. 9–13.

16. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

17. Там же. Д. 5. Л. 103–103об.

18. Там же. Л. 102; Черкасов А.А. К вопросу о гражданской войне на Кубани и Черноморье 1917–1922 гг.: причины, ход, итоги // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 34–54; Черкасов А.А. К вопросу об истории бело-зеленого движения на Черноморье в 1920–1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 43–58.

19. АОАГН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 131. Л. 85.

20. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 137. Л. 1–2.

21. Население и хозяйство Кубанского округа: Статистический сборник за 1924–1926 гг. Т. 2. Краснодар, 1928. С. 10.

УДК 93

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ В 1920–1922 гг.: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ВОСПРИЯТИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Владимир Гаврилович Иванцов

Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматриваются взаимоотношения власти и общества на территории Кубани и Черноморья в завершающий период Гражданской войны в России (1920–1922 гг.).

Ключевые слова: Кубань, Черноморье, Гражданская война, местное население, власть.